

Зима уступила место весне. В марте, когда в воздухе закружились первые нежные лепестки сакуры, Годзё Сатору и Сугуру Гето окончили начальную школу Тэйтан.

На выпускную церемонию прибыл весь клан Годзё в полном составе. Для скромного школьного праздника такое внимание казалось избыточным, но Акихару это совершенно не заботило. Остальных — тем более.

Сумико Кобаяси, бессменный классный руководитель, которая вела этот класс все шесть лет, подходила то к ребятам, то к их родителям. Она тепло прощалась с учениками и обсуждала с их семьями планы на будущее.

Годзё Акихара вызывал у неё искреннюю симпатию, как и все его близкие. По манерам маленького Сатору, по каждому его слову и жесту сразу угадывалось, в какой теплой и любящей атмосфере он рос.

— Сатору-кун — удивительный ребёнок, — с улыбкой произнесла Сумико Кобаяси.

Неподалеку сам виновник торжества о чем-то увлеченно шептался с Сугуру Гето, пока остальные взрослые караулили их чуть поодаль.

На душе у Акихары было на редкость покойно, поэтому с его лица не сходила едва заметная мягкая улыбка.

— Знаю, — просто ответил он. В его голосе не было ни капли ложного смирения — лишь тихая гордость за своего мальчика.

Сумико скользнула взглядом в сторону. Сатору и Сугуру, похоже, закончили свой секретный разговор и теперь ураганом неслись к родителям. Кажется, за фотоаппаратом?

— Я слышала, — продолжила Кобаяси, — Сатору-кун и Сугуру-кун собираются поступать в среднюю школу Риккайдай в Йокогаме. Это прекрасное частное заведение с сильной программой и богатой историей.

Обычно при выборе средней школы семьи ориентировались на близость к дому. Токио и Йокогама находились практически под боком, так что учительница прекрасно знала лучшие учебные заведения региона. Риккайдай славилась своими традициями и блестящими результатами — идеальный выбор для столь одаренных мальчиков.

Акихара лишь понимающе улыбнулся, вежливо промолчав.

За те шесть лет, что Сатору учился в начальной школе Тэйтан, клан Годзё непрерывно вливал в неё колоссальные средства. Семейные пожертвования превратили скромную школу в роскошный комплекс, ничуть не уступающий элитной начальной школе Сзё. И если бы

Риккайдай вдруг оказалась недостаточно хороша, это не стало бы проблемой. Раз Сатору выбрал её, Акихара просто завалил бы школу деньгами, сделав безупречной.

Да и, признаться честно, с нынешним влиянием Акихары ему даже не пришлось бы тратить собственные средства. Нашлось бы немало влиятельных людей, готовых расшибиться в лепешку и профинансировать любое его желание ради одного лишь шанса заслужить благосклонный кивок Ужасающего Владыки Демонов.

Простившись с Акихарой, учительница поспешила к другим родителям, а к нему уже подбежал раскрасневшийся Сатору.

После прошлого дня рождения Сатору исполнилось одиннадцать. Он рос не по дням, а по часам — казалось, пройдет еще года два-три, и он перерастет старшего брата. Вместе с ростом менялись и черты лица, теряя детскую округлость и обретая четкие, благородные очертания. Перед Акихарой стоял уже не капризный ребенок, а статный, красивый юноша.

— Брат, идем фотографироваться! — Сатору со смехом ухватил Акихару за руку и потащил в сторону, где их уже поджидали Тодзи и остальные.

Мальчишки заранее все распланировали. Камеру принес Сигма. Аппарат был всего один, поэтому они решили сначала сделать общий снимок клана Годзё, затем сфотографировать Гето, а в самом конце — запечатлеть всю компанию вместе.

Тодзи и остальные уже выстроились в ряд, поджидая только задержавшегося у учительницы Акихару.

— Все готовы? Снимаю! — весело предупредила госпожа Гето, вызвавшись сделать первый кадр для семьи Годзё.

Мягкая, добродушная женщина помогла им поправить позы, шутливо напомнив, что на выпускном положено улыбаться, а не стоять с мрачными или высокомерными лицами.

Раздался негромкий щелчок затвора. На получившейся фотографии Сатору сиял в самом центре. Справа от него, слегка улыбаясь, стояли Акихара и Киёкадзэ, а слева расположились Тодзи с привычной ленивой ухмылкой и немного смущенный Сигма.

Два часа дня

Выпускная церемония завершилась еще в одиннадцать утра. После нее клан Годзё и чета Гето дружно отправились в ресторан, чтобы отметить праздник за праздничным обедом, и лишь

затем разъехались по делам.

Поскольку родители Сугуру работали в Токио и не планировали переезжать, на время учебы в Йокогаме мальчик собирался поселиться в доме клана Годзё. Планировалось, что он будет жить у них пять дней в неделю, уезжая к родителям на выходные.

Акихара не имел ничего против. Сатору и Сугуру с самого детства были неразлейвода, постоянно гостили друг у друга и давно стали для обеих семей родными. Тем не менее супруги Гето чувствовали некоторую неловкость из-за того, что обременяют Акихару, и поэтому настояли на том, чтобы сегодняшнее застолье было за их счет.

— В Башню Михашира, — негромко распорядился Акихара, устраиваясь на заднем сиденье просторного черного автомобиля. Водитель послушно кивнул и плавно тронулся с места.

Вообще-то изначально Акихара планировал устроить себе полноценный выходной в честь выпускного Сатору. Однако жизнь внесла свои коррективы: человек, выбранный на должность личного секретаря для разгрузки его рабочего графика, сегодня официально вступал в должность после экспресс-курса подготовки.

И хотя характер у этого юноши был, мягко говоря, не самым приятным, Акихара не мог не признать его выдающийся талант — как в ведении дел, так и в умении виртуозно создавать хаос. Оценив способности новоиспеченного подчиненного, который в первый же рабочий день умудрился вскрыть крупную коррупционную схему в Департаменте сверхспособностей, Акихара решил уделить делам пару часов. Только два часа — и сразу домой. Он мысленно поклялся себе не задерживаться дольше.

Тем временем Сатору, не пожелавший ехать в Башню Михашира, вернулся в свои апартаменты в районе Бэйка-тё вместе с Сигмой, у которого сегодня тоже был законный выходной.

Киёкадзэ тоже был свободен, но предпочел сбежать в Киото: родители в очередной раз завели пластинку об обязательной женитьбе, и с этим нужно было что-то решать на месте.

У Тодзи же причины были прямо противоположными. Он отправился прямым ходом в Башню, чтобы провести время со своей невестой — закрутить тот самый служебный роман, от которого Киёкадзэ безразлично кривил губы при каждой встрече.

В итоге лишь два законных «несовершеннолетних» без забот о браке, любви и работе могли со спокойной душой наслаждаться заслуженным отдыхом. Сигма твердо вознамерился проспать до самого вечера, а Сатору решил заглянуть в гости к новому соседу, въехавшему этажом выше.

Раздался негромкий стук в дверь. Изнутри слышались торопливые шаги, и замок щелкнул.

— Сатору-кун?

На пороге показался молодой мужчина в слегка помятой домашней одежде и с легкой небритостью на лице. Вид у него был немного небрежный, как у типичного закоренелого холостяка, однако мягкий взгляд и безупречная выправка мгновенно сглаживали это впечатление.

Квартиру, в которой Сакуносукэ Ода жил вместе со своими приемными детьми, ему предоставил сам Годзё Акихара. Естественно, к младшему брату своего арендодателя и покровителя Ода относился с предельной вежливостью и теплотой.

— Какими судьбами? Ах да, сегодня же твоя выпускная церемония. Всё уже закончилось? — Ода шире распахнул дверь, приглашая гостя войти.

— Ага, всё позади, — заходя, отозвался Сатору. — Брат укатил работать, так что я решил навестить Косукэ и остальных. Заодно захватил роботов, которых обещал им подарить.

На самом деле, изначально Одасаку не связывали с семьей Годзё настолько близкие отношения, чтобы Акихара лично вмешивался в его судьбу и спасал от верной гибели. Он переехал в эти апартаменты и сменил работу благодаря вмешательству одного общего знакомого.

Бывший босс Оды, Мори Огай, изначально планировал разыграть его жизнь как разменную монету в своей сложной шахматной партии. Однако, узнав, что новым покровителем эспера стал Годзё Акихара, Мори мгновенно и без колебаний свернул все свои интриги. Медлить в такой ситуации было смерти подобно — Акихара оторвал бы ему руки при малейшем подозрении на угрозу своим интересам.

«С этим человеком нам точно не по зубам тягаться...»

— сокрушенно вздыхал Мори Огай в своем роскошном кабинете, когда узнал о решении Акихары вмешаться.

Возможно, до слияния миров у него еще оставалась безумная надежда как-то обойти Акихару и довести свой план до конца. Но когда пространства соединились, когда над Токио выросла монументальная Башня Миашира, а Отдел по делам эсперов без лишнего шума перешел под юрисдикцию таинственного Scepter 4, Мори Огай благоразумно решил, что выживание организации гораздо важнее гордости.

Эх, придется пойти более трудным путем. Вернуть Чую Накахару из заграничной командировки, поднапрячься, но получить Разрешение на применение сверхспособностей легально.

Размышляя об этом, Мори невольно задавался вопросом: как именно Дадзай Осаму сумел разгадать его замысел с организацией «Мимик» и так вовремя сосватать Оду новому покровителю? Он ведь держал все нити интриги в строжайшем секрете... Откуда у Осаму появилась столь подробная информация задолго до начала основных событий?

В это же время в недрах Башни Миашира один из членов Золотого клана — облаченный в традиционную маску и мантию Кролик из Ходзиин — бдительной тенью следовал за подростком в песочном плаще, пристально фиксируя каждое его движение.

Хотя парень явился с официальными документами и представился личным секретарем Короля, Кролик прекрасно помнил секретное досье на этого визитера. Список его прегрешений был настолько длинным и пугающим, что даже при чтении без перерыва на сон ушло бы не меньше трех дней. Поверить в то, что Дадзай Осаму встал на путь истинный и пришел сюда работать на благо общества, мог разве что законченный глупец.

Зачем Королю понадобился столь опасный преступник в роли секретаря? Разве этот юнец походил на того, кто готов трудиться ради всеобщего блага?

— Господин Дадзай, вход в этот кабинет без специального разрешения строго запрещен, — поспешно преградил дорогу Кролик, заметив, что подросток потянулся к массивной ручке одной из дверей.

Осаму мягко улыбнулся, ничуть не выказывая раздражения. Его пальцы продолжали лежать на латунной ручке.

— И почему же? — с невинным любопытством поинтересовался он. — В этой комнате скрыто нечто особенное? Я уже заглянул во все остальные кабинеты на этаже, и никто не возражал. Почему именно этот под запретом?

По логике вещей, за этими дверями сидели его будущие коллеги. Разве было преступлением зайти к ним, представиться и перекинуться парой слов ради укрепления командного духа? До этого момента он успел распахнуть добрый десяток дверей, и конвоир даже бровью не повел. Но человеческая психология проста: чем настойчивее Дадзаю что-то запрещали, тем непреодолимее становилось его желание нарушить запрет.

Кролик шагнул вперед, намереваясь аккуратно, но твердо оттеснить нарушителя от двери.

— Это личные покои господина Акихары. Вход посторонним туда закрыт.

На самом деле эта комната служила убежищем для Сатору. Когда мальчик навещал брата в Башне в разгар рабочего дня, Акихара отправлял его туда отдыхать и дожидаться освобождения. Без личного приказа Короля переступать этот порог не смел никто.

— Вот как? — Дадзай удивленно приподнял брови и послушно убрал руку, продемонстрировав полное послушание. Кролик облегченно перевел дух, поверив в его благоразумие.

Клик.

Но уже через секунду пальцы Дадзая мелькнули с невероятной скоростью. Тонкая стальная отмычка скользнула в замочную скважину, и механизм тихо, но отчетливо щелкнул, сдаваясь перед его мастерством.

Маска не могла скрыть вспыхнувшего гнева Золотого клана. Кролик буквально задохнулся от возмущения, указывая на наглеца дрожащим пальцем.

— Я же ясно сказал — нельзя! Я немедленно доложу о вашем самоуправстве господину Акихаре! И тогда...

Дадзай лишь отмахнулся от гневной тирады, даже не повернув головы. Он уже взялся за ручку, чтобы распахнуть незапертую дверь, как вдруг в конце коридора негромко и мелодично звякнул прибывший лифт.

Створки разъехались, и из кабины вышел Годзё Акихара. Его ледяной взгляд мгновенно зафиксировал живописную картину: застуканного на месте преступления нового секретаря и багрового от ярости стражника.

<http://bllate.org/book/19395/2004783>